

ДЕ
ТИ
XX
ВЕ
КА

Селрененникова
и нотомкова
ночамаю
З. Мухомов

Дмитрий
Лихачёв

Воспоминания
Письма о добром

Москва 2023

Воспоминания —

...ЧНЫЙ ПРОПУСК № 210

Предъявитель сего, заключаю...

Михаев

Дмитрий Сергеевич

пропускать в Кремль и обрат...

в течение дня и ночью со...

Михаев

Мин. IV Отделение

«И сотвори им, Господи, вечную память...»

Предисловие

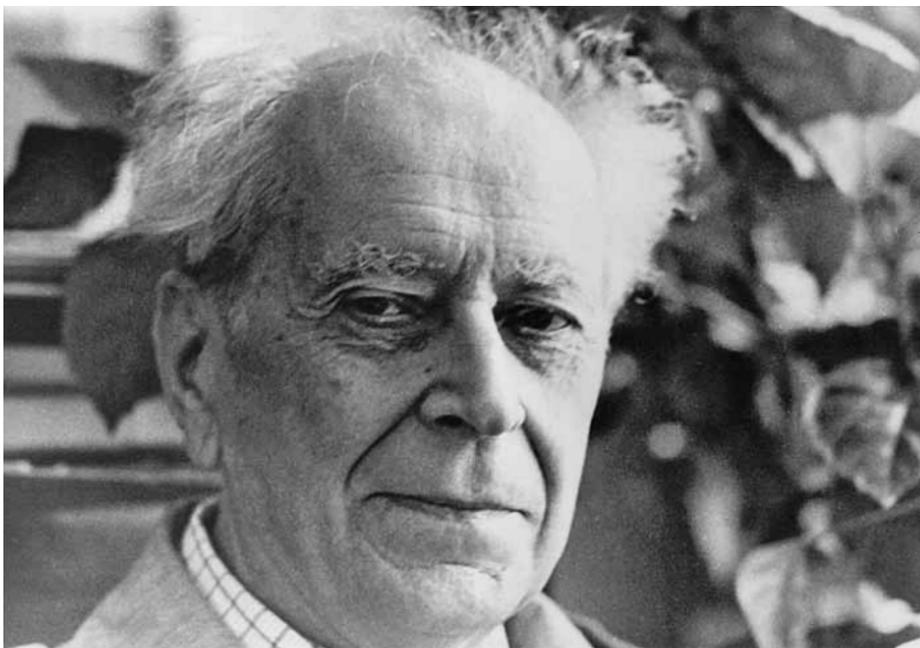

С рождением человека рождается и его время. В детстве оно молодое и течет по-молодому — кажется быстрым на коротких расстояниях и длинным на больших. В старости время точно останавливается. Оно вялое. Прошлое в старости совсем близко, особенно детство. Вообще же из всех трех периодов человеческой жизни (детство и молодость, зрелые годы, старость) старость — самый длинный период и самый нудный.

Воспоминания открывают нам окно в прошлое. Они не только сообщают нам сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников. Конечно, бывает и так, что мемуаристам изменяет память (мемуары без отдельных ошибок — крайняя редкость) или освещается прошлое чересчур субъективно. Но зато в очень большом числе случаев мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников.

Главный недостаток многих мемуаров — самодовольство мемуариста. И избежать этого самодовольства очень трудно: оно читается между строк. Если же мемуарист очень стремится к «объективности» и начинает преувеличивать свои недостатки, то и это неприятно. Вспомним «Исповедь» Жан-Жака Руссо. Тяжелое это чтение.

↑ *Д. С. Лихачёв. 1980-е. Семейный архив Д. С. Лихачёва*

Поэтому — стоит ли писать воспоминания? Стоит, — чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, а главное, чтобы остался след от людей, которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит, о которых врут документы.

Я не считаю таким уж важным мое собственное развитие — развитие моих взглядов и мироощущения. Важен здесь не я своей собственной персоной, а как бы некоторое характерное явление.

Отношение к миру формируется мелочами и крупными явлениями. Их воздействие на человека известно, не вызывает сомнений, и самое важное — «мелочи», из которых складывается работник, его мировосприятие, мироотношение. Об этих мелочах и случайностях жизни и пойдет речь в дальнейшем. Все мелочи должны учитываться, когда мы задумываемся над судьбой наших собственных детей и нашей молодежи в целом.

Естественно, что в моей своего рода «автобиографии», представляемой сейчас вниманию читателя, доминируют положительные воздействия, ибо отрицательные чаще забываются. Человек крепче хранит память благодарную, чем память злую.

Интересы человека формируются главным образом в его детстве. Л. Н. Толстой пишет в «Моей жизни»: «Когда же я начался? Когда начал жить? <...> Разве я не жил тогда, эти первые года, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить... Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и $1/100$ того?»

Поэтому в этих своих воспоминаниях я уделю главное внимание детским и юношеским годам. Наблюдения над своими детскими и юношескими годами имеют некоторое общее значение. Хотя и последующие годы, связанные в основном с работой в Пушкинском Доме Академии наук СССР, также важны.

Род Лихачёвых

Согласно архивным данным (РГИА. Фонд 1343. Оп. 39. Дело 2777) основатель петербургского рода Лихачёвых — Лихачёв Павел Петрович — из «детей купеческих Солигаличских» был принят в 1794 г. во вторую гильдию купцов Санкт-Петербурга. Приехал он в Петербург, конечно, раньше и был достаточно богат, ибо вскоре приобрел большой участок на Невском проспекте, где открыл мастерскую золотошвейного дела на два станка и магазин — прямо против Большого Гостиного Двора. В Коммерческом указателе города Санкт-Петербурга на 1831 г. указан номер дома 52, очевидно ошибочно. Дом № 52 был за Садовой улицей, а прямо против Гостиного Двора находился дом № 42. Правильно указан номер дома в «Списке фабрикантам и заводчикам Российской империи» (1832. Ч. II. СПб., 1833. С. 666–667). Там же приводится и список изделий: всех сортов форменные офицерские вещи серебряные и апплике, позументы, бахромы, парчи, канитель, газ, кисти и пр. Указано три прядильных станка. На известной панораме Невского проспекта

В. С. Садовникова изображен магазин с вывеской «Лихачёвъ» (такие вывески с указанием одной только фамилии были приняты для самых известных магазинов). В шести окнах по фасаду выставлены скрещенные сабли и различного рода золотошвейные и позументные изделия. По другим документам известно, что золотошвейные мастерские Лихачёва находились тут же во дворе.

Сейчас номер дома 42 соответствует старому, принадлежавшему Лихачёву, но на этом месте выстроен новый дом архитектором А. Бенуа.

Как явствует из «Петербургского некрополя» В. И. Саитова (СПб., 1912–1913. Т. II. С. 676–677), приехавший из Солигалича Павел Петрович Лихачёв родился 15 января 1764 г., похоронен на Волковом православном кладбище в 1841 г.

Семидесяти лет Павел Петрович и его семья получили звание потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Звание потомственных почетных граждан было установлено манифестом 1832 г. императором Николаем I с целью укрепить сословие купцов и ремесленников. Хотя звание это и было «потомственным», право на него мои предки подтверждали в каждое новое царствование получением ордена Станислава и соответствующей грамотой. «Станислав» был единственным орденом, который могли получить недворяне. Такие грамоты на «Станислава» были выданы моим предкам Александром II и Александром III. В последней грамоте, выданной моему деду Михаилу Михайловичу, указаны все его дети, и в числе их мой отец Сергей. Но отцу уже не пришлось подтверждать своего права на почетное гражданство у Николая II, так как благодаря своему высшему образованию, чину и орденам (среди которых были «Владимир» и «Анна» — не помню, каких степеней) он вышел из купеческого сословия и принадлежал к «личному дворянству», т. е. отец стал дворянином, впрочем без права передавать свое дворянство детям.

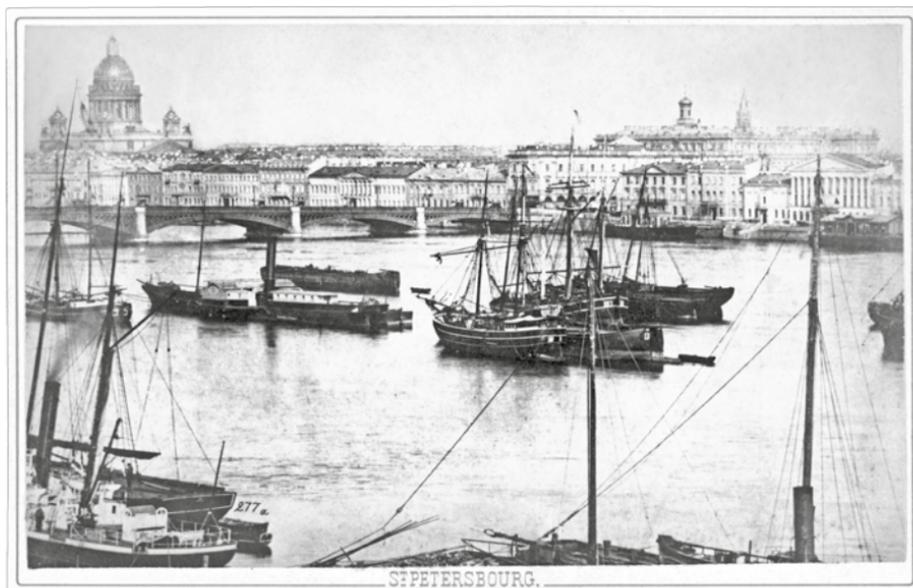
Потомственное почетное гражданство мой прапрадед Павел Петрович получил не только тем, что был на виду в петербургском купечестве, но и постоянной благотворительной деятельностью. В частности, в 1829 г. Павел Петрович пожертвовал три тысячи пехотных офицерских сабель Второй армии, сражавшейся в Болгарии. Об этом пожертвовании

*Владимирский собор, Санкт-Петербург. Начало XX в. ↑
Библиотека Конгресса США*

я слышал еще в детстве, но в семье считалось, что сабли были пожертвованы в 1812 г. во время войны с Наполеоном.

Все Лихачёвы были многодетны. Мой дед по отцу Михаил Михайлович имел собственный дом на Разъезжей улице (№ 24), рядом с подворьем Александро-Свирского монастыря, чем объясняется, что один из Лихачёвых пожертвовал крупную сумму на построение часовни Александра Свирского в Петербурге.

▲ Вид на Николаевский мост через Неву, Санкт-Петербург.
Ок. 1880–1900. Фото Альберта Фелиша (?). Рейксмузеум

арами золотые булочные крендели, золотые головы быков, гигантские пенсне и пр. Редко, но висит сапог, ножницы. Все они огромные. Это тоже вывески. Тротуары перегорожены подъездами: козырьками, держащимися на металлических столбиках, опирающихся на противоположный от дома край тротуара. По краю тротуара нестройные ряды тумб. У очень многих старых зданий встречаются вместо тумб вкопанные старинные пушки. Тумбы и пушки оберегают прохожих от наезда телег и пролеток. Но все это мешает видеть улицу, как и керосиновые фонари единого образца с перекладной, к которой прислоняют фонарики свои легкие лесенки, чтобы зажечь, потушить, снова зажечь, потушить, заправить, почистить.

В частые праздники — церковные и «царские» — вывешиваются трехцветные флаги. На Большой и Малой Морских

Вверху *Городская дума*, ↑
внизу *Невский проспект*
и *Гостиный Двор*, Санкт-Петербург.
Ок. 1860–1925. Рейксмузеум

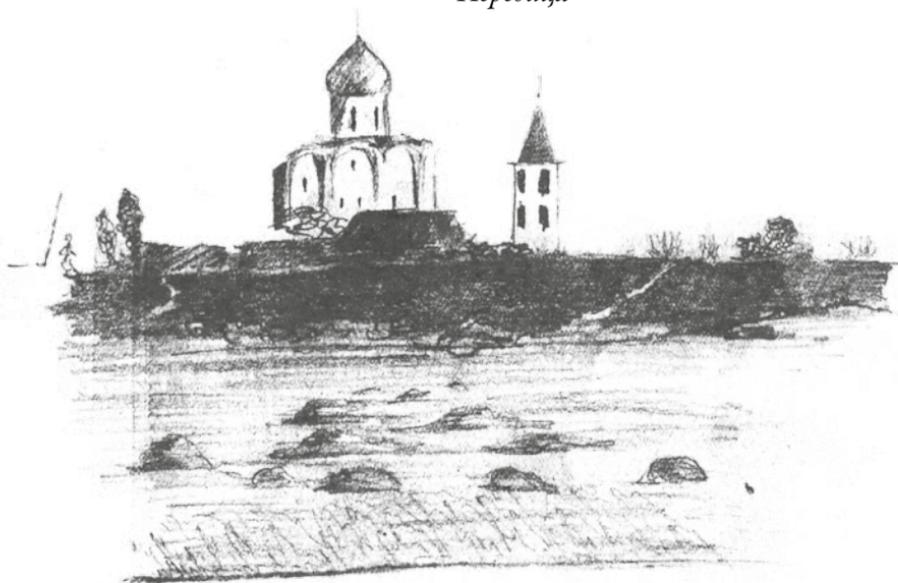
Невский проспект, →
Санкт-Петербург. 1901.
Библиотека Конгресса США

Новгородский альбом

Летом 1937 г. Дмитрий Сергеевич Лихачёв во время поездки в Новгород делал зарисовки карандашом на небольших отрывных листах в блокноте с грифом Ленинградского отделения Издательства Академии наук СССР, где тогда работал. Эта поездка оставила глубокий след в душе автора

Нередица

*Церкви Ильи на Славне
и Петра и Павла на Славне*

Ильи на Славне и Петра и Павла на Славне

Детинец

Однажды после ночного дежурства в Пушкинском Доме я вернулся домой на Лахтинскую улицу и застал дома Зину и детей. Оказывается, их перевез с дачи М. П. Барманский. Он решил, что жить в Вырице «хватит», перевез сначала своих, а потом специально поехал за моими и перевез их со всеми вещами: на даче остались только ходики, корыто, детские кровати, шезлонг и еще что-то.

Только в России существовало такое количество чудаков и оригиналов. К их числу относился и Михаил Петрович Барманский, сыгравший такую большую роль в жизни нашей семьи.

В Первую мировую войну он был офицером и сохранил от того времени военную выправку, усы, требовательность к себе и подчиненным. Ходил он одетый как чернорабочий: ватник, кирзовые сапоги, а потом — и старая солдатская шинель сына, погибшего на Великой Отечественной. Когда-то был рыжим, но я его помню только совершенно седым. Он считал недопустимым ублажать свой «мешок с костями», ел сырые овощи или каши, ходил пешком в своих порыжевших сапогах. Приходил даже к нам на дачу, охотно ел у нас что-нибудь вегетарианское и, задав два три «принципиальных» мировоззренческих вопроса, уходил.

Умер он уже на пенсии, ему было далеко за восемьдесят, и в последние годы говорил: «Хочу прожить еще: досмотреть кинематограф». Под «кинематографом» он подразумевал историю современной ему России. Очень интересовало его все происходящее, и никак он не мог понять — «чем же это все кончится?».

Работал он много, зарабатывал немало, но на себя тратил как можно меньше: это было его правилом. Помогал родным, бедным, давал в долг своим подчиненным (в последние годы он заведовал корректорской в Издательстве Академии наук) и никогда не требовал назад.

Глядел он на людей сурово и часто исподлобья, но когда улыбался, то так искренне и приятно, что люди, удостоившиеся его улыбки, надолго оставались с ощущением какой-то глубокой радости в душе.

В 1941 г., когда мы жили на даче в Вырице, он узнал, что немцы совсем близко (а в газетах сообщали, что «бои идут в районе Пскова»), приехал в Вырицу (а я ничего не подозре-

вал и был в городе), вывез всю мою семью — Зинаиду Александровну, детей и домработницу Тамару. Он не стал терять времени, чтобы разыскать меня (телефоны были выключены), а сделал все сам. Вот образец действенной доброты.

Умер он так же, как и жил: никого не утруждая.

А В. Л. Комарович с семьей остались на Сиверской и переехали оттуда недели через полторы. Немцы уже были совсем близко от Сиверской. Эти полторы недели стали роковыми для Комаровичей: они не успели ничем запастись...

Ко времени нашего возвращения из Вырицы в Ленинград существовала уже карточная система. Магазины постепенно пустели. Продуктов, продававшихся по карточкам, становилось все меньше: исчезали консервы, дорогая еда. Но хлеба первое время по карточкам выдавали много. Мы его не съедали весь, так как дети ели хлеба совсем мало. Зина хотела даже не выкупать весь хлеб, но я настаивал: становилось ясно, что будет голод. Неразбериха все усиливалась. Поэтому мы сушили хлеб на подоконниках на солнце.

*Карточка на хлеб для иждивенцев. Фрагмент. ↓
Ноябрь 1941. Государственный музей истории Санкт-Петербурга*

Письма к МОЛОДЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

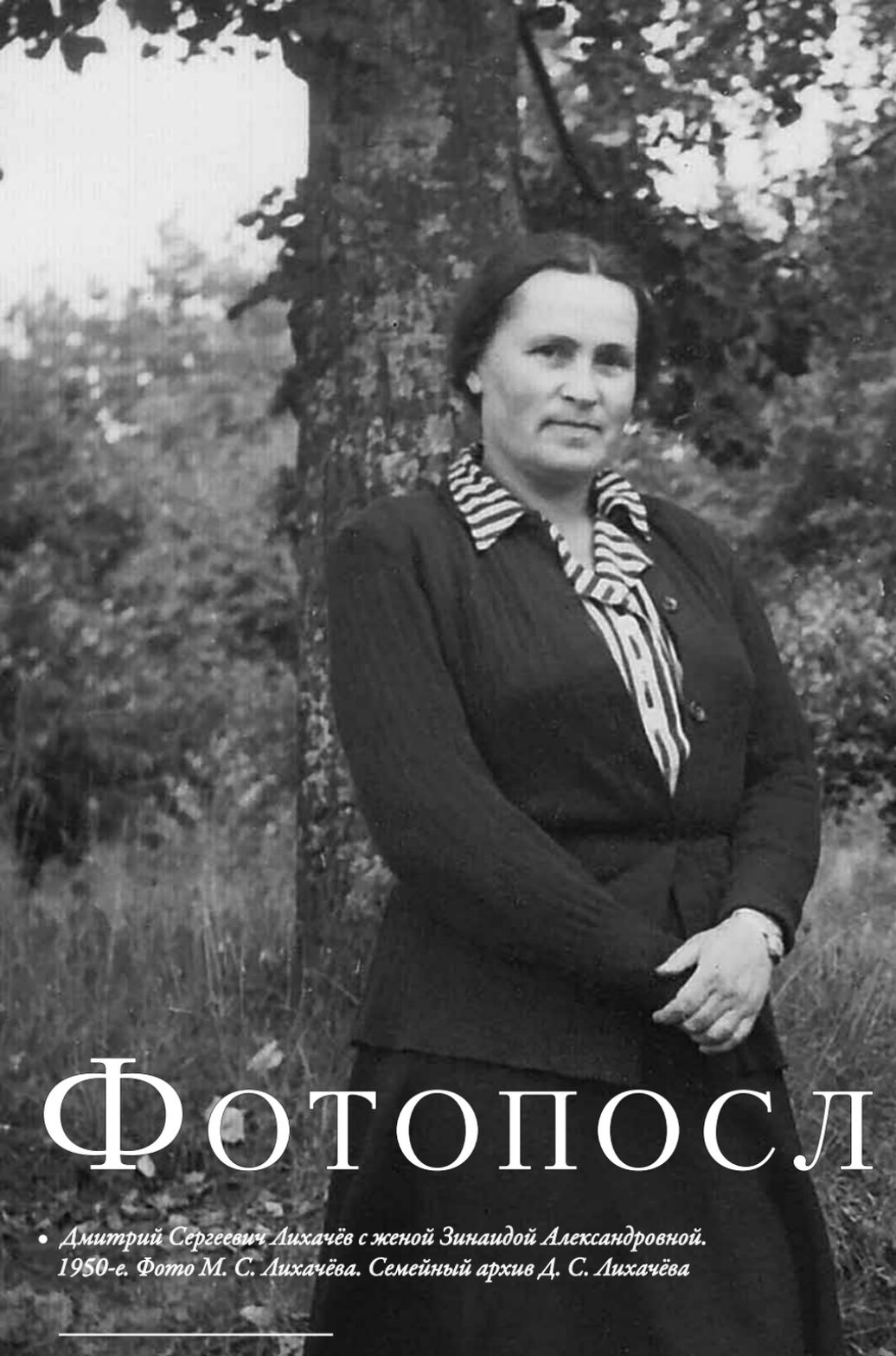

Каждая беседа пожилого человека с молодым оборачивается поучением. Положение всегда было таким и, вероятно, всегда таким и останется. Постараюсь быть кратким и сказать лишь о самом для себя главном — как оно мне представляется, поделиться опытом прожитой жизни.

Для своих бесед с читателем я избрал форму писем. Это, конечно, условная форма. В читателях моих писем я представляю себе друзей. Письма к друзьям позволяют мне писать просто.

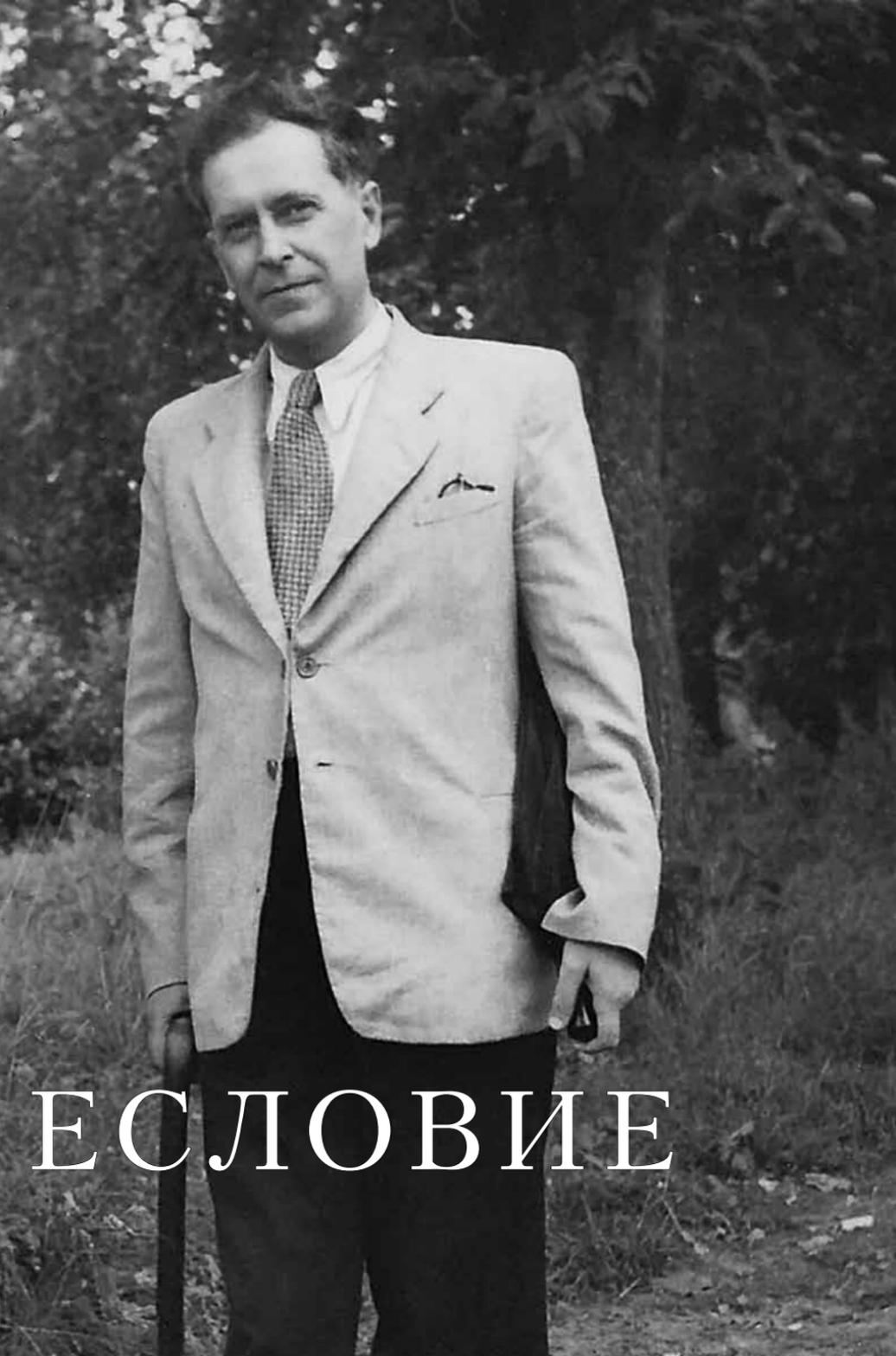
Почему я расположил свои письма именно так? Сперва я пишу в своих письмах о цели и смысле жизни, о красоте поведения, а потом перехожу к красоте окружающего нас мира, к красоте, открывающейся нам в произведениях искусства. Я делаю это потому, что для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках — ничего не увидите.

ФОТОПОСЛ

- *Дмитрий Сергеевич Лихачёв с женой Зинаидой Александровной.
1950-е. Фото М. С. Лихачёва. Семейный архив Д. С. Лихачёва*
-

ЕСЛОВИЕ